

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.1.13>

Ермина Наталья Ивановна

[Приемы создания смехового дискурса в сатирических рассказах Н. Ишуткина](#)

Статья посвящена анализу приемов моделирования комической ситуации в сатирических рассказах эрзянского писателя Н. Ишуткина, впервые вводимых в контекст финно-угорского литературоведения. Основное внимание в работе автор акцентирует на скрупулезном анализе художественных текстов, обращается к вопросу о соотношении, первичности смеха и комического, актуализирует исследование национальной специфики комического. Автор приходит к выводу, что мастерство сатирика позволило Н. Ишуткину самобытно разрешить проблемы социального и нравственного содержания.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2020/1/13.html

Источник

[Филологические науки. Вопросы теории и практики](#)

Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 1. С. 64-67. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2020/1/

[© Издательство "Грамота"](#)

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 8; 82-32

Дата поступления рукописи: 10.12.2019

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.1.13>

Статья посвящена анализу приемов моделирования комической ситуации в сатирических рассказах эрзянского писателя Н. Ишуткина, впервые вводимых в контекст финно-угорского литературоведения. Основное внимание в работе автор акцентирует на скрупулезном анализе художественных текстов, обращается к вопросу о соотношении, первичности смеха и комического, актуализирует исследование национальной специфики комического. Автор приходит к выводу, что мастерство сатирика позволило Н. Ишуткину самобытно разрешить проблемы социального и нравственного содержания.

Ключевые слова и фразы: комическое; смеховой дискурс; сатирический рассказ; сатира; прием; персонаж; Н. Ишуткин; мордовская литература.

Ермина Наталья Ивановна

*Национальный исследовательский Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарёва, г. Саранск
nataliaermi@yandex.ru*

Приемы создания смехового дискурса в сатирических рассказах Н. Ишуткина

В настоящее время бесспорным признается утверждение о том, что юмор является «неотъемлемым компонентом человеческого бытия и общения, он порой совершенно необходим в самых разных сферах деятельности человека» [4]. Смеховая культура как социокультурное явление, выполняющее коммуникативную функцию, отражающее многообразие действительности, мировоззренческие позиции человека, его отношение к миру, вызывает интерес литературоведов, лингвистов, философов, социологов. Классическую теоретическую модель народной смеховой культуры разработал М. М. Бахтин [3].

В аспекте заявленной нами проблемы актуальным становится вопрос о соотношении комического и смешного, об их взаимодействии, первичности этих категорий. Исследователи [2; 10] говорят о необходимости их разграничения в силу того, что «смех – это понятие физиологическое, психологическое, социальное; это качество, врожденно свойственное человеку. ...комическое есть категория эстетическая, продукт развивающейся культуры. <...> Комическое отличается от общих представлений о смехе как эстетическое явление, обладающее упорядоченной организацией, предполагающее использование специальных приемов и средств для достижения смехового эффекта» [10]. Однако в широком смысле комическое, реализующееся в формах юмора, сатиры, иронии, сарказма, понимается как нечто, вызывающее смех, что оправдывает наше апеллирование к понятию «смеховой дискурс» в процессе рассмотрения приемов создания комического в рассказах Н. Ишуткина.

Одной из перспективных исследовательских стратегий современного литературоведения является изучение категории комического «в аспекте этнической картины мира» [8, с. 41]. Юмор каждого народа характеризуется национально-культурной спецификой, выражающейся в сложившихся в данном культурно-литературном дискурсе формах, жанрах комического, приемах и способах создания комического эффекта. Относительно мордовской литературной системы справедливо манифестировать положение о том, что приоритетными жанрами реализации комического сюжета становятся рассказ, фельетон, юмореска, эволюционирование и функционирование которых не остается на периферии исследовательского интереса. Специфика становления национальной смеховой культуры, проблемы развития многообразных форм и приемов комического воспроизведения мира и человека рассмотрены в работах В. И. Демина [5; 6]. Однако данный круг вопросов требует постоянного мониторинга и обновления, поскольку жизнь поставляет большой объем материала, который необходимо осмыслить, воспринять, обобщить, что позволит, в свою очередь, представить ключевые тенденции динамики национальной словесности в целом, объективно оценить ее эстетический уровень. Данным обстоятельством определяется **актуальность** настоящей статьи, материалом исследования в которой явились сатирические рассказы эрзянского автора Н. Ишуткина. Впервые вводимые в литературоведческий контекст художественные тексты, а также предложенная исследовательская гипотеза, положения и обобщения свидетельствуют о **научной новизне** настоящей работы.

Следует отметить, что вплоть до начала 1990-х годов Н. Ишуткин работает в лирических формах, своими манифестациями конструирует экзистенциальную модель национального лирического дискурса. Его произведения характеризуют «широта тематического диапазона, наполненность глубокими философскими обобщениями, метафоричностью, тонким лиризмом, самобытной образностью... мифофольклорная символика, архетипические образы, извечные бинарные концепты наполняют их общечеловеческим содержанием» [1]. Однако сложные, противоречивые общественные события и обстоятельства рубежной эпохи, для осмысления которых наиболее приемлемыми формами стали комические, побудили писателя обратиться к юмористическому и сатирическому рассказу, который репрезентован в сборнике «Вармань кандовкст» («Принесенные ветром») [7].

Основная **цель** нашей статьи – проанализировать приемы создания комического в сатирических рассказах Н. Ишуткина, в процессе достижения которой нами осмысливаются вопросы соотношения категорий «смех» и «комическое», этнической специфики юмора и сатиры. В работе использованы традиционные **методы** литературоведческого исследования: культурно-исторический, метод целостного анализа художественного

текста. Высказанные в ней положения позволяют определить индивидуально-авторский голос Н. И. Ишуткина-сатирика, выявить национально-эстетическую специфику мордовской сатирической литературы как неотъемлемой части общероссийской словесности. Материал может быть использован в процессе изучения современной мордовской литературы в вузе.

Н. Ишуткин в своих произведениях варьирует разные формы комического – от гневного обличения до добродушной усмешки. Однако осмеяние «убивающее, суровое, беспощадное, окрашенное оттенками сарказма» [9], нехарактерно для прозаика. Рефлексируемый его рассказами смех глубоко этичен, педагогичен, ненавязчив, легок.

В процессе моделирования комической ситуации автор использует ряд художественных приемов – прием деформации (нарушения) общепринятой нормы, комическое преувеличение отдельных явлений или признаков характера, неожиданность (нелепость) обстоятельств, на которых построены рассказы «Миллион», «Иля ойсе ляннь нурде» («Не садись в чужие сани»), «Сыявкс» («Опухоль»), «Сэпиявтозь тансть» («Сладость, разбавленная горечью»), «Суоминь инжень» («Гости из Суоми») и другие.

Сатира в рассказе «Не садись в чужие сани» направлена на бывшего чиновника, который из-за слабостей своей натуры не может занимать руководящую должность, неспособен выполнять ответственные поручения. Сан Саныч Цаплин несколько лет занимал скромную должность инструктора райкома партии, в дальнейшем возглавил общество «Знание» и все ждал повышения по службе. Возможно, он и поднялся бы по карьерной лестнице, однако был очень трусливым. Вскоре об этой черте начальника узнали подчиненные и разыграли его телефонными звонками с обкома, горкома. Наивный Сан Саныч и помыслить не мог, что над ним смеются подчиненные. Он непременно звонил в обком и докладывал о ходе дел. Вышестоящие чиновники не стали терпеть «чужачество» Цаплина и сняли его с должности. Сан Саныч перепрофилировался в коммерсанта. И вмиг его жизнь изменилась в лучшую сторону. Раньше Цаплин «вздрагивал от каждого телефонного звонка», при разговоре с начальством «дрожал от страха», а теперь он, ответственный за рекламу в маленькой торговой фирме, чувствовал себя «хозяином», за что «благодарил демократов», которые «превратили мелкого чиновника в коммерсанта». Поэтому и критику в их адрес он «пропускает мимо ушей». «Больше всех возмущаются те, кто остался без теплого местечка, – размышляет мужчина. – Сами виноваты. Не надо было рот разевать. Всем было ясно: лодка идет ко дну, необходимо выбираться из нее и спастись на острове» [7, с. 105]. Так посредством прямой речи Цаплина и образов, которыми он мыслит, воспроизведена смена рода его деятельности.

В построенном на приеме неожиданности рассказе под романтическим названием «Сладость, разбавленная горечью» представлена банальная сельская ситуация: Трошин Василий давно мечтал купить «Жигули». Он распродал всю скотину, из-за чего были слезы и упреки со стороны жены, но машину купил, «ухаживал за ней как за ребенком – сдувал с нее пылинки, протирал салфеткой» [Там же, с. 115]. Естественно его желание похвастаться дорогой покупкой перед жителями села. Однако его действия, направленные на привлечение внимания к себе со стороны окружающих, доведены до абсурда и вызывают смех: Трошин тихо ездил по селу, но не из-за ям и неровностей на дороге, а чтобы все жители увидели его машину. Если же замечал общающихся недалеко мужиков, специально останавливался, выходил из кабины, стучал по колесам, открывал капот, словно случилась поломка. Видя завистливые взгляды, Вася начинал рассказывать о своей машине с особым восхищением. Однажды случилась неприятность, после которой Трошин даже обращался в больницу. Возвращаясь с города, он посадил старика-попутчика, не преминув похвастаться перед ним недавней покупкой. Старик оказался не с пустыми руками – двумя косами, которые вмиг запихнул в кабину. Старик возвращался с сенокоса, был в потной одежде, грязных сапогах. Трошин почувствовал едкий запах пота, разволновался, руки у него задрожали, он чуть не пропустил поворот, резко нажал на тормозную педаль. В это время косой обрезало покрытие сиденья. С тех пор Вася попутчиков не сажал, машину свою никому не показывал.

В рассказе «Гости из Суоми», построенном на эффекте неожиданности, осуждается безответственность и непрофессионализм представителей образования. В сельской школе – переполох. Его причина – приезд гостей из Финляндии. Учителя и ученики удивлялись, почему представители Суоми едут именно в их школу, в которой «нет отопления, не завершён ремонт». Только директор школы Михаил Иванович знает, что финны едут проверить, как задействованы в учебном процессе те три компьютера, которые были переданы ими школе по его просьбе. На самом деле компьютеры все еще стояли в его кабинете в упаковке. В школе нет учителя информатики, другие учителя не умеют пользоваться компьютерами. Это обстоятельство не помешало Михаилу Ивановичу отметить в отчете, что компьютеры используются в учебном процессе в первом классе. Зайдя в класс, финны увидели, что все три компьютера стояли невключенными на подоконнике. Однако учительница Татьяна Ивановна «не растерялась», попросила ученика переставить компьютер с подоконника на стол, при этом задав классу вопрос: «Ребята, сколько компьютеров осталось на подоконнике?» [Там же, с. 119]. В данном случае справедливо говорить о смеховом высказывании, основанном на ситуативном комизме. Ситуация создается минимальным количеством деталей – указанием месторасположения компьютеров. Эти же детали позволяют подчеркнуть уровень интеллекта, профессиональной подготовки администрации школы и учителей, а также их отношение к образованию и воспитанию подрастающего поколения.

В рассказе «Опухоль» смеховой характер высказывания определяется комизмом сюжетной составляющей. У главного героя Миколя опух палец. Он занимается самолечением – «накладывает разнообразные мази, по совету жены обращается к распространенной в народе уринотерапии» [Там же, с. 112], однако опухоль не сошла, и он обращается в больницу. Заявленная фабула разрешается посредством ряда парадоксальных ситуаций, подчеркивающих его безответственность, рассеянность, забывчивость, психологическое состояние растерянности. Комические ситуации сменяют друг друга и настолько тесно переплетены, что образуют

единое комическое ядро произведения. Проспав после операции несколько часов, Миколь выходит на улицу «справить нужду», в это время санитарка закрывает дверь, приняв его за бомжа, «огрела грязной тряпкой по лицу». Далее мужчину ждет очередное разочарование – он забыл номер своей палаты. Миколь заглядывает во все палаты, находит свободную койку, в нее и ложится, посчитав, что это и есть его место. Наутро выясняется, что он занял чужое место в женской палате, его окружают полуголые дамы, готовящиеся к процедурам. В другой раз безответственный мужчина взял костыли у соседа по палате, чтобы смягчить при ходьбе боль от уколов, и на долгое время спустился к посетителям. В это время больные отчаянно искали костыли, потому что без них больной действительно не мог ходить. За свою забывчивость Миколь опять получил «по хребту». Цепочка парадоксальных ситуаций придает повествованию анекдотический характер, а главный герой оказывается осмеян за безответственность и рассеянность.

В рассказе «Миллион», построенном на приеме нарушения нормы и деформации отдельных черт характера, осмеиваются человеческая наивность и чрезмерное желание овладеть материальными средствами. Главная героиня Трошина Люба разыгрывает «сцену» обогащения, обыгрывает способ преодоления обыденной жизненной серости, нищеты, отрицания установленного порядка, что, в свою очередь, оборачивается трагикомическим эффектом. Женщина попала на уловки столичных мошенников, напорочивших ей миллион. Но за его получение она должна была оплатить «расходы» – «занесение в базу данных», «оплата перевода и налога с миллиона». Героиня искренне верила в свое счастье – «скорое богатство» и заплатила «небольшие по сравнению с миллионом суммы», которых, следует сказать, у нее самой не было и пришлось занять у половины села. Н. Ишуткин не актуализирует портретных описаний героини, однако ее несобственно-прямая речь настолько выразительна, что способствует детализации образа, экспликации мотивов ее поведения и поступков. «За что она так наказана?.. И сразу отрезала: бог тут ни при чем, не надо на него валить свои проблемы, виновата она сама, рот разинула, верит всему и каждому. <...> Сама надеется на лучший исход дела. Получит она миллион, купит квартиру в городе, машину. Вот жизнь начнется...» [Там же, с. 31]. Однако время шло, а перевода на миллион так и не было. По почте ей присылали лишь небольшие бандероли с книжками, в которых «сельских “богачей” учили модно одеваться, накладывать макияж, красить волосы, варить вкусную еду» [Там же]. Тогда Люба решила поехать в Москву и выяснить, почему до сих пор не отравили причитающийся ей миллион. Только здесь она поняла, что стала жертвой мошенников. Вместо миллиона женщина получила огромный долг. Но кто же в этом виноват? Наивную женщину погубили ее наивность, жадность, жажда «легких денег» и желание разбогатеть.

В рассказе «Нумолонь седей» («Заячье сердце») осмеиваются чинопочитание, человеческая жадность и трусость. Солдаткин Федя, ответственный секретарь одной газеты, из-за своей трусливой природы, боязни начальства, наигранного чинопоклонения давно получил прозвище «Заячье сердце». Трусливым Федя был с детства, он ни с кем не дружил, часто получал синяки от местных мальчишек. Ни трудолюбия, ни особого ума в нем не было, переполняли лишь завистливость и желание разбогатеть. «Ради рубля он готов был прыгнуть с крыши дома». Из-за этого и инвалидом стал – пошел незаконно рубить лес, бежал от пьяного лесничего, сломал ногу и на всю жизнь остался хромым. Тем не менее жизнь его, «Заячьего сердца», сложилась неплохо – женился, двух сыновей родил, несмотря на отсутствие таланта и мастерства, продвинулся по карьерной лестнице. На службе Солдаткин особого рвения к труду не проявлял, однако из-за своей трусости ни с кем и не спорил, никому не перечил, перед главным редактором краснел, белел, дрожал, а тот продвигал его по службе за то, что боялся его, не составлял конкуренции. Действия, поведение Солдаткина имеют отрицательную мотивацию, диктуются внутренней неудовлетворенностью, желанием любой ценой удержаться в «насиженном местечке».

На саморазоблачающем смеховом высказывании построен рассказ «Дикой Мирон» («Дикий Мирон»). Смеховое начало при этом приобретает выраженные саркастические черты. В центре рассказа – мелкий обкомовский чиновник Вадим Иванович, желание которого показать себя начитанным оборачивается его саморазоблачением. При этом разоблачение чиновника имплицитно заявлено автором еще в самом начале рассказа: «Посмешищем Вадима Ивановича сделала лень, невежество. Жизнь прожил – ни одной книжки не прочитал. Прочитает пять-шесть страниц – засыпает» [Там же, с. 81]. Тем не менее мужчина хорошо устроился на службе, его приглашали на разнообразные совещания и ужины после них. На одном из таких ужинов речь зашла о «Декамероне» Боккаччо. Вадим Иванович захотел прочитать данную книгу, зашел в библиотеку, однако забыл автора, название и попросил выдать ему «книгу Богачева» «Дикий Мирон». Через несколько дней весь район знал о посещении Вадимом Ивановичем библиотеки, острые языки прозвали его Миронном или Диким Миронном. На что чиновник обиделся и зарекся брать книги в руки, ведь «они могут подвести в самую важную минуту» [Там же, с. 83]. Финальное решение чиновника довершает его разоблачение как человека невежественного, необразованного.

В рассказе «Не поддадимся» осмеивается поведение ярого коммуниста Петра Ивановича Онина, который ведет непримиримую борьбу с «дерьмократами» и «олякаргами». Однако формы этой борьбы (расписывание стен политическими лозунгами, выступления на ежедневных закрытых партийных собраниях, посещение всех городских мероприятий без приглашения) вызывают недоумение и смех реципиента. На первый взгляд Онин может показаться человеком, преданным определенным политическим идеалам, ценностям и принципам. В конце повествования автор раскрывает истинные причины «активности» персонажа – его желание стать депутатом, занять «теплое местечко», которому не суждено сбыться. В данном случае автор использует прием деформации (преувеличения) поведения персонажа, посредством которого осмеивается весьма распространенное явление.

Выявляемый Н. Ишуткиным круг человеческих пороков и жизненных явлений разнообразен – цинизм, тщеславие, невежество, трусость, жадность, безответственность. Прозаик использует юмор и сатиру для решения

повседневных бытовых проблем, специфика авторского осмысления которых придает произведениям глубокое этическое звучание, углубляет их идейно-смысловую содержательность. В сатирических рассказах Н. Ишуткина проявляется его индивидуальное мастерство сатирика, отражается специфика национальной комической прозы, прослеживаются общечеловеческие нравственно-этические и социально-бытовые проблемы.

Список источников

1. Антонов Ю. Г., Шеянова С. В. Современная мордовская литература: синтез традиций и новаторства (на материале изданий 2016 г.) [Электронный ресурс]. URL: <http://csfu.mrsu.ru/arh/2017/2/20-29.pdf> (дата обращения: 02.11.2019).
2. Антюхова С. Ю. Проблема соотношения категорий «Смеха» и «Комического» в трудах литературоведов [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-sootnosheniya-kategoriy-smeha-i-komicheskogo-v-trudah-literaturovedov> (дата обращения: 27.11.2019).
3. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М.: Эксмо, 2014. 702 с.
4. Водоватова Т. Е., Волонина О. В. Приемы создания юмористического эффекта в британском комическом рассказе [Электронный ресурс]. URL: http://www.imi-samara.ru/wp-content/uploads/2018/07/19_Vodovatova_Volonina_123_129.pdf (дата обращения: 01.12.2019).
5. Демин В. И. Комическое в мордовской литературе: этапы эволюции. Рузаевка, 2001. 260 с.
6. Демин В. И. Смех моего народа. Комическое в устно-поэтическом творчестве мордвы [Электронный ресурс]. URL: <http://csfu.mrsu.ru/arh/2015/4/6-12.pdf> (дата обращения: 28.11.2019).
7. Ишуткин Н. Вармань кандовкст (Принесенные ветром). Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2004. 176 с.
8. Кужугет Ш. Ю. Фольклорные истоки сатиры в тувинской прозе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 7 (85). Ч. 1. С. 41-46.
9. Молдавский Д. М. Товарищ Смех. Л.: Лениздат, 1981. 344 с.
10. Понкратова Е. М. Смех и комическое в творчестве Ф. М. Достоевского: о некоторых особенностях эстетики писателя [Электронный ресурс]. URL: http://journals.tsu.ru/vesnik/&journal_page=archive&id=862&article_id=5835 (дата обращения: 27.11.2019).

Techniques to Create Risorial Discourse in N. Ishutkin's Satirical Stories

Ermina Natal'ya Ivanovna

*National Research Ogarev Mordovia State University, Saransk
nataliaermina@yandex.ru*

The article analyses techniques to create a comical situation in satirical stories by the Erzya writer N. Ishutkin. His literary works are for the first time introduced into scientific field of the Finno-Ugric literary criticism. The researcher focuses on the literary analysis, considers the problem of correlation, primacy of laughter and the comical, actualizes the study of national specificity of the comical. The conclusion is made that satire skills allowed N. Ishutkin to suggest an original approach to social and ethical problems.

Key words and phrases: the comical; risorial discourse; satirical story; satire; technique; personage; N. Ishutkin; Mordovian literature.

УДК 82

Дата поступления рукописи: 07.11.2019

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.1.14>

«Женская проза» как явление современной литературы активно заявила о себе в начале 1990-х гг. под влиянием изменений в общественном развитии. В чувашской гуманитарной науке данная область до сих пор не становилась объектом специального изучения. В статье актуализировано содержание понятия с позиций чувашского литературоведения. Она посвящена обзору данного явления и характеристике его особенностей в контексте современной чувашской литературы. В результате работы автор приходит к выводу, что чувашская «женская проза» представляет собой значительный и яркий пласт современного художественного творчества.

Ключевые слова и фразы: чувашская литература; современная литература; «женская проза»; авторы-женщины; психологизм; мотив; тема; прием.

Никифорова Вера Витальевна, к. филол. н.

*Чувашский государственный институт гуманитарных наук
vera.nickiforova@yandex.ru*

Чувашская женская проза в контексте современной литературы

В последнем десятилетии XX века в чувашской литературе, как и в русской, и во многих других национальных литературах, заметным явлением становится творчество писателей-женщин. Особо выделяется здесь проза. Данная область явно отличается своей откровенностью, искренностью, минимальной дистанцированностью между автором и читателями и, наконец, элементарным ростом количества авторов-женщин в обозначенный период. «В хронологическом смысле современная женская проза стала заметной в конце 1980-х – начале 1990-х годов. М. Абашева пишет: “Судя по всему, у нас появилась женская проза. Нет, не то чтобы женщины раньше, десятилетие или два, три назад, не писали рассказов и повестей. Писали. Печатались.